

Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М.

Оренбургский государственный университет

E-mail: olgaporol@mail.ru, prosvirkina.irina@yandex.ru, dmitrieva1977@yandex.ru

МОТИВЫ НАЧАЛА И КОНЦА В БИБЛЕЙСКОМ ДИСКУРСЕ М. ВОЛОШИНА

В статье рассматривается специфика пространства и времени в библейском дискурсе М. Волошина. Анализ поэтических текстов проведён в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей. Новым в работе является исследование в творчестве поэта функционирования библейского текста при анализе пространственно-временных мотивах *начала и конца*.

Ключевые слова: пространство, время, начало, конец, библейский текст, мотив

В статье «Видение Иезекииля», сопровождавшей публикацию стихотворения с точно таким же названием, М. Волошин писал: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых <...> в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому» [2, с. 359–360].

Обращение к Ветхозаветным образам (Неопалимая Купина) и изречениям (пророчества Исайи), Новозаветным образам Евангелия и Апокалипсиса, их проецирование на современные поэту события в России, восприятие начала совершающихся изменений как конца духовной жизни общества и вера в его возрождение – отличительные черты лирики М. Волошина революционного и постреволюционного периодов. Новозаветная тема смирения перед лицом совершающихся событий, образ Христа, принявшего всю скорбь и грехи мира, осознание неизбежного пути крестоношения и распятия России становятся основными мотивами в творчестве поэта.

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И части воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;
Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

[2:174].

Ощущения конца человечества, его Голгофы и Апокалипсиса – сквозные мотивы многих

стихотворений поэта. Мотив Голгофы – один из частотных в творчестве М. Волошина. Он встречается в стихотворениях «Человечество» (1905), в цикле философских поэм «Путями Каина» (1922–1929).

«Заражённые совестью» – так называет поэт русский народ. Россия сравнивается с Неопалимой Купиной – ветхозаветным образом, содержащим пророчество о Пресвятой Богородице Деве Марии.

В стихотворении «Святая Русь» (1917) из сборника «Демоны глухонемые» (1923) звучит сыновье отношение к Родине, к Святой Руси, понимание всей боли её падения: «И пошла поруганной и нищей, / И рабой последнего раба», сравнение её с евангельской блудницей:

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

[3:236].

Стихотворение «Святая Русь» было посвящено Петровой Александре Михайловне, преподавательнице Александровского училища в Феодосии. То, что Волошин писал о ней, можно отнести к творческому миру самого поэта, его религиозно-философскому поиску истины: «...она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий. Она прошла и спиритизм, и теософию, и истое православие, и христианскую мистику, и антропософию. Но вернее всего она была православию». Ей был посвящён раздел «Звезда Полюнь» в книге Волошина «Сти-

хотворения. 1900–1910». После смерти Петровой Волошин написал статью «Киммерийская сивилла (памяти А. М. Петровой)», в которой отметил: «В развитии моего поэтического творчества <...> А.М. Петрова сыграла важную и глубокую роль» [2, с. 355].

На протяжении всего творчества поэт обращается к истокам России, к истории Древней Руси, её сакральным локусам, вводит в литературный контекст библейские образы и символы.

Возникает глубокая историческая проекция – образ потерянного града-Китежа, в который «нет путей». Китеж воспринимается поэтом как вневременная данность. Он всегда и сейчас. Отношение к категории святости как к категории непреложной, неменяющейся, всегда существующей независимо от времён и пространств, и исторических потрясений.

Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовёт призывный и нездешний
Подводный благовест церковей.
[2:204].

В начале стихотворения поэт называет известные сакральные локусы России: Сергиев, Оптину, Саров, которые как Китеж уйдут в инобытие.

Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
Народный не уймут костёр:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озёр.
[2:204].

В финале стихотворения «Китеж» (1919) известные внешние сакральные локусы трансформируются во внутренний образ души человеческой, что вполне соответствует библейским фразам «Царство небесное внутри вас» [Лк. 17: 20–21] и «Терпением вашим спасайте души ваши» [Лк. 21:19].

Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон.
[2:206].

В стихотворении «Человечество» тема распятия, семантически означающего конец земного бытия (Голгофы) повторяется трижды. Распяты могут быть вечера, распято может быть само время:

Вот вечера, распятые над чёрными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнёт...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод...
[3:35].

Тема Голгофы была принята Волошиным в русле славяно-русской традиции: Голгофа как «последняя надежда бытия», после свершения которой возможно дальнейшее существование мира. Другая мысль, не менее важная, которую раскрывает поэт в поэме «Путями Каина» – это победа жизни над смертью. По церковному преданию, в недрах Голгофы некогда был погребён родоначальник всего человечества Адам, который освятился, оживился пролитой за весь род человеческий кровью Иисуса Христа:

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста – Голгофа,
Последняя надежда бытия.
[3:314].

Осознание Голгофы и Апокалипсиса как последней надежды бытия стало возможно после восприятия поэтом начала как конца и конца как начала, осознания замкнутости начал и концов в Божественном круге вечности – теме, которую он стал развивать гораздо раньше в прозе «Три дня. Фантазия» (1904): «„В те дни будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них“... Сбылось. Мир прожил. Наступает вечность.<...> Затихло всё. Страх во всём: *Всё ждёт начала конца...*» [4, с. 275].

Библейские мотивы в творчестве поэта возникают как результат горьких размышлений о судьбах России. В стихотворении «Русская революция» тема Голгофы представлена при помощи перифраз из библейского текста: «дом ваш пуст» (Мат. 23, 38) и выражения «если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не

пить её, да будет воля Твоя» [Мат. 26, 42]. Согласно славяно-русской традиции фраза «Дом ваш пуст» означает: Вы сами не захотели воспользоваться Моими благодеяниями, сами отвернулись от меня – смотрите же: себя и вините в своих несчастьях. Таким образом, под пустотой дома подразумевается Богооставленность.

Пусть бунт наш – бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша.
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий наших уст.
[2:186].

Внутреннее пространство России – это пространство инобытия, отличающееся нездешностью, неподдающееся обычному человеческому разуму.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклись уста.
[2:143].

В стихотворении «На дне преисподней» (1922), посвящённом памяти А. Блока и Н. Гумилёва, погибшим в августе 1921 года, мотивы конца и начала возникают как результат дальнейшей разработки темы Голгофы и Восстания из гроба (воскрешения).

И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекнусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!
[2:243].

Попытка разобраться в причине смерти, в генезисе её возникновения разрешается поэтом в духе славяно-русской традиции. Возникшие образы уничтожения всего земного в цикле стихов «Путями Каина» или в поэме (как называл М. Волошин) вполне закономерны по причине разумности и жестокости мира, а, следовательно, его подвластности смерти:

Но этот мир, разумный и жестокий, –
Был обречён природой на распад.
[3:227].

Обретение (начало) жизни, воссоздание человека в новой, ранее утраченной им плоти, возможно через преодоление греховной человеческой сути, воссоздание первозданной её природы, лишённой греха:

В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: Она
Сама была материей и плотью,
Ещё не опороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Взнесённой выше ангелов, землёй,
Рождяющей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолеет разложение
Греха и смерти в недрах бытия.
И к Ней тянулись упованья мира,
Как океаны тянутся к луне.
[3:317].

Восприятие конца как начала нового бытия обретается поэтом в теме преображения «отжившей» земли (ранее прозвучавшей в стихотворении Гумилёва «Больная земля», 1908) и находит в творчестве М. Волошина несколько иное разрешение. Поэт в уничтожении земли винит человечество («пламя, замурованное в безднах», ставшее «факелом, кинутым / В пороховой подвал»).

Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швыряйте бомбой в звёздные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязь
Не распадётся мёрзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнет новым солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?
[3:227].

Согласно поэтической концепции М. Волошина в жизни человека важны два события – смерть и воскресение: «Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье – / Творящий ритм мятежного огня» [3, с. 278].

Смерть человека рассматривается поэтом непременно как начало новой жизни.

М. Волошин был одним из первых, кто в начале XX-го века заговорил о ценности человека, о его сакральной сущности (огненной природе) и принадлежности к инобытию, а значит о вечном существовании во Вселенной. Сущность, природа человека в поэтической концепции М. Волошина – огонь (как и у Гумилёва). «Ритм огня» – то, что определяет человеческую жизнь, её «горение» и смысл.

В цикле «Путями Каина» (1923) антиномией к природному величию Земли и человека становится суетность преходящего дня, вытесняющая вечное и древнее.

Ротационные машины мечут
И день, и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке –
О древнем, замураванном огне.
[3:300].

По мысли теоретика русского символизма Вяч. Иванова, «глубже пространства и времени человек сознает общее их начало и основу: непрерывность. Она – уже связь» [5, с. 129].

Наблюдение над библейским дискурсом М. Волошина, и, как следствие, обнаружение функционирования в его творчестве мотивов начала и конца (в непрерывном круге вечности) позволяет сделать вывод об историсофской глубине поэтической концепции М. Волошина. «Неспокойство», поиск смысла человеческого земного бытия обнаруживает в творчестве поэта отечественную философскую традицию, восходящую к текстам Библии, творчеству Пушкина, Достоевского и Тютчева. Отсутствие Человека в бесчисленных, «кишащих» людьми городах – одна из главных тем творчества М. Волошина. Оксюморон «пустыня кишащих множеств» передаёт состояние героя, его мироощущение от суетной земной жизни, духовную жажду в «пустыне мрачной».

В поэме «Путями Каина» в главе «Бунтовщик» слышны библейская и пушкинская традиции.

Я – голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов –
В безлюднейшей из всех пустынь земли.
[3:301].

Вслед за Достоевским М. Волошин говорит о значении внутреннего человека, о трагедии победы рассудка над искренним чувством, о тщетности преобразования мира только физическими действиями, внедрения материальной культуры без пересоздания собственной души.

Вы – суевры, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, –
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой!
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.
[3:302].

В понимании всемирной миссии России Волошин был близок к Тютчеву, к идее славянофилов. Возникновение в творчестве поэта древнехристианского символа – птицы Феникс, символизирующей вечную смерть (конец) и вечное возрождение (начало) свидетельствует о вере поэта в Возрождение России. В стихотворении «Ангел времён» (1918) мотив конца становится непременным условием для дальнейшей жизни.

В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет – она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!
[2:173].

Отличие от символистов, с характерным для них абстрактным мышлением, творчеству М. Волошина присуще нравственное соперничество за судьбы людей и России. В поэтическом пространстве начала XX-го века снова появляется Человек без маски и даже без «открытого забрала».

С.М. Пинаев, анализируя жизнь и творчество М. Волошина, утверждает, что «в своём представлении об истории Волошин в значительной степени ориентируется на теорию О. Шпенглера («Закат Европы»), основная мысль которой – безысходное круговращение истории и неминуемая гибель культуры, перерождающейся в механически потребительскую

цивилизацию, где господствуют потребительство и голый техницизм [8, с. 589].

Однако генезис возникновения мотивов конца и начала в вечном круговороте человеческой жизни в творчестве поэта имеет и более древний источник: Библию (что вполне понятно даже из немногочисленных приведённых нами примеров). Другим источником для возникновения указанных мотивов вполне возможно могла стать книга «Столп и утверждение истины» Павла Флоренского, потому что в постижении библейских истин интеллигенция начала XX-го часто шла через чтение философских систем. Понимание смысла бытия (его начала и конца), возведение на высоту образа Богородицы в позднем творчестве М. Волошина обнаруживает текстовые сходства с творчеством русского философа. Другим подтверждением заимствования мотивов может служить наличие в библиотеке поэта книги П. Флоренского «Столп и утверждение истины», на что указывал выдающийся исследователь, первый директор Дома поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле, Владимир Купченко [6, с. 115].

Знание философской концепции П. Флоренского, несомненно, повлияло на идею жиз-

ни и смерти человека в круге Вечности и нашло в творчестве М. Волошина несколько иное разрешение этой темы, в духе славяно-русской традиции. Преодолевая «духовные блуждания», поэт смог преодолеть земные условности человеческого существования и встать над временем. Тема бесцельного круговорота человеческих жизней и судеб, столь популярная в русской поэтической мысли начала XX-го века и возникшая в результате увлечения русской элитой философией Ф. Ницше, О. Шпенглера и др., не находит дальнейшего развития в поэтической концепции Волошина. Постигнув «трагическую мудрость земного существования» человечества, поэт видит смерть (конец) необходимым рубежом, через который должен пройти каждый человек и всё человечество в целом, чтобы обрести жизнь в вечности. Революционные события времени, страшные свидетельства хрупкости земного бытия вольно или невольно заставили поэта обратиться к вечным темам.

Апокалипсический дух времени, устремление к началу через конец (выражение А. Белого) – основной лейтмотив творчества М. Волошина.

10.10.2014

Список литературы:

1. Библия. – М., 1992. – 895 с.
2. Волошин, М.А. Избранные стихотворения / М.А. Волошин; Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 384 с.
3. Волошин, М. Стихотворения / М. Волошин. – М.: Книга, 1989. – 543 с.
4. Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. Т. 2 / М.А. Волошин. – YMCA-PRESS, PARIS. – С. 275.
5. Иванов, Вяч. Спорады / Вяч. Иванов // Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1979. – Т. 3. – 896 с.
6. Купченко, В.П. Библиотека М.А. Волошина / В.П. Купченко // Волошинские чтения. Сб. научных трудов. – М., 1981. – С. 114–127.
7. Лавров, А.В. Русские символисты: этюды и разыскания / А.В. Лавров. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – 632 с.
8. Пинаев, С.М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С.М. Пинаев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 661 с.
9. Столович, Л.Н. Античный космос Максимилиана Волошина / Л.Н. Столович // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи. – М.: Наука, 2010. – 544 с.

Сведение об авторах:

Пороль Ольга Анатольевна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук

Просвиркина Ирина Ивановна, заведующий кафедрой русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент

Дмитриева Наталья Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru